

— Отец с матушкой собирались приехать в столицу, да только перед самым отъездом она простудилась. Отец не захотел подвергать её тяготам долгой дороги, вот они и остались дома, — Цзян Мэню ласково похлопала брата по руке и нежно добавила: — Тебе не стоит беспокоиться о родителях. Сегодня двадцать третий день двенадцатого месяца, и мы с тобой празднуем вместе. Если у нас всё благополучно, то и их сердца будут спокойны.

Цзян Мэнчжэнь кивнул и спросил:

— А зять?

— У него с братьями своё небольшое застолье, так что оставим его в покое и будем радоваться нашей встрече.

— Но ведь князь Цзинь — старший сын императрицы, а ты, сестра, — старшая невестка для остальных принцев. Если ты не появишься на семейном пиршестве, не сочтут ли это непозволительным?

— Дело вовсе не в том, что я пренебрегаю приличиями. Просто с его братьями ладить непросто, и мне совсем не хочется с ними встречаться. К тому же... — Цзян Мэню осторожно прижала ладонь младшего брата к своему животу, и на её лице расцвела удивительно нежная, сияющая улыбка.

Цзян Мэнчжэнь замер от радостного изумления:

— Сестра, неужели ты дитя ждёшь? Какое счастье!

— Срок ещё мал, и двух месяцев нет, я и сама узнала только-только, — улыбнулась Цзян Мэню. — Ну ладно, хватит о моих делах. Расскажи лучше, как ты? Сладко ли тебе живётся в поместье Ци? И подумал ли ты над тем, о чём мы говорили? Нашёл ли решение?

Опустив взгляд, Цзян Мэнчжэнь пригубил сладкое фруктовое вино из маленькой чарочки белого нефрита. Он не знал, как подступиться к ответу. Старший молодой господин Ци, спору нет, человек достойный и благородный, однако врождённое почтение к правилам приличия воздвигало между ними непреодолимую стену — стать ближе у Цзян Мэнчжэня никак не получалось.

Поколебавшись, он тихо произнёс:

— При встречах со старшим молодым господином Ци я чувствую то же самое, что и с любым другим человеком. Разницы нет никакой.

— Не зря тебя прозвали Гуаньинь! Воистину, милосерден ко всем без разбору и равнодушен ко всему мирскому! — покачала головой сестра. — Посуди сам: происхождение, внешность,

дарование старшего молодого господина Ци... Обладай иной юноша хотя бы малой частью этих достоинств, в девичьих сердцах уже поднялась бы буря. А тебе хоть бы что.

— Я вовсе не хочу сказать, что старший молодой господин плох...

— Я понимаю. Но каким бы прекрасным он ни был, твоя душа по-прежнему безмятежна. Однако люди — не божества. Твоё сердце не сможет вечно оставаться таким бесстрастным, разделяя тепло поровну между всеми. Рано или поздно ты познаешь вкус этого сладкого и горького слова «любовь». Вот только кто окажется тем самым человеком, который заставит твоё сердце забиться быстрее?

Глядя на его неземную красоту, столь далёкую от земных страстей и желаний, Цзян Мэню почувствовала, как её переполняют нежность и жалость. Она ласково прижала младшего брата к себе:

— Я и желаю, чтобы ты познал это чувство, и в то же время страшусь. Любовь — обоюдоострый меч. В ней сокрыты не только сладость и радость, но и бездна страданий, о которых ведают лишь двое. Пожалуй, оставаться бесстрастным «Гуаньинь», заставляя других томиться напрасной тоской, куда безопаснее для души — так она сохраняет чистоту и покой.

Цзян Мэнчжэнь опустил ресницы. Ему вспомнились слова У Сисчуня: «Когда он приходит ко мне, моё сердце поёт от радости, а когда его нет, внутри всё словно вымерзает, остаётся лишь звенящая пустота». Как бы Мэнчжэнь ни пытался представить себе нечто подобное, это чувство казалось ему чуждым и далёким, словно скрытым под толстым слоем матового стекла.

Прильнув к сестре, он лукаво поднял на неё глаза и полушутя заметил:

— Вот именно. Я не понимаю, как «любовь рождается неведомо когда и проникает в самое сердце», и уж тем более не верю, что «ради истинного чувства живой готов пойти на смерть, а мёртвый — воскреснуть». Как по мне, люди любят лишь красивую оболочку. И если вдруг кто-то действительно решится умереть ради меня, то почему бы не отдать ему это брэнное тело в уплату? А коль такого безумца не сыщется, что с того? У меня есть ты, сестра, есть родители, ваша любовь бережёт меня. Я с радостью проживу всю жизнь рядом с вами, в тишине и покое.

— Глупости какие говоришь! Вот когда влюбишься без памяти, да ещё и безответно, только попробуй прийти ко мне в слезах! — Цзян Мэню шутливо ущипнула его за щеку, и они, весело пересмеиваясь, продолжили делиться сокровенным.

После праздничного ужина Цзян Мэню вызвалась лично проводить брата до ворот княжеского поместья. Надо же было такому случиться, что прямо у выхода они столкнулись с возвращавшимися после застолья принцами. Один из них, высокий, с глубоко посаженными глазами и резкими чертами лица, раз за разом оглядывался на Цзян Мэнчжэня. Заметив это, Цзян Мэню поспешно заслонила брата собой. Принцы обменялись с ней вежливыми фразами, то и дело пытаясь выведать, кто этот прекрасный юноша, но княгиня искусно уходила от расспросов, отделяваясь общими словами.

Когда принцы разошлись, Цзян Мэнчжэнь подошёл ближе к сестре и тихо спросил:

— Кто тот человек в синем халате, с высокой переносицей и глубоко посаженными глазами?

— Это Пятый принц. Его матерью была преподнесённая в дар красавица из Западного края. Из-за низкого положения во дворце она рано ушла из жизни, поэтому мальчика отдали на воспитание Драгоценной наложнице, и он вырос бок о бок с Третьим принцем, — Цзян Мэню на мгновение задумалась, а затем с лёгкой тревогой спросила: — Но почему ты о нём заговорил? Я ведь видела, как пристально он тебя разглядывал...

— Сестра, раз уж в нашей семье уже есть одна княгиня, второй здесь точно не бывать. И пускай я далёк от придворных тайн, но всё же читал летописи и знаю, как коварны и опасны дворцовые распри. К тому же, когда я посмотрел на Третьего принца, мне на ум пришло одно старое выражение.

— Какое?

— «Взор орла и озиранье волка», — Цзян Мэнчжэнь крепко сжал руку сестры и заговорил со всей серьёзностью: — Твой супруг — старший сын императрицы, его положение исключительно благородно и высоко. Однако на самых вершинах власти всегда дуют самые свирепые ветры. Теперь, когда ты носишь под сердцем дитя, тебе нужно быть осторожной вдвойне.

Сердце Цзян Мэню испуганно пропустило удар. Словно пелена спала с её глаз: среди этого блеска и роскоши таились смертельные ловушки. Праздник завершился. Ледяной ветер завывал в опустевшем переулке. Экипаж брата давно скрылся из виду, а она всё стояла на пороге. Княгиня обернулась и взглянула на сиявшие золотом надвратные иероглифы «Поместье князя Цзиня». В этот миг она впервые по-настоящему осознала, какая невыносимая тяжесть и сколько пролитой крови скрывается за резными колоннами и позолотой этого великолепного дворца.

Спустя всего несколько дней после встречи Нового года в поместье Ци неожиданно доставили визитную карточку от Пятого принца. Старый господин Ци и госпожа Ци терялись в догадках, не понимая, чем заслужили такое внимание. Лишь щедро одарив посланника серебром, они узнали истинную причину. Как говорится, не в вине была радость петуха — принц искал вовсе не их общества. Он вознамерился пригласить молодого господина Цзяна вместе полюбоваться праздничными фонарями на пятнадцатый день первого месяца, а поместье Ци выбрал лишь в качестве удобного предложения.

Госпожа Ци поспешила тайно отправить служанку в Павильон Слушания Дождя, чтобы предупредить юношу. Вскоре к ней прибежала взволнованная Биянь с известием: молодой господин Цзян прошлой ночью сильно простудился, у него сильный жар, и лекарь строго-настрого запретил ему выходить на улицу в ближайшие две недели. Услышав это, госпожа Ци испытала разом и тревогу, и облегчение. С одной стороны, она до смерти боялась прогневать

Пятого принца, с другой — решила, что мнимая болезнь Цзян Мэнчжэня доказывает его верность её старшему сыну, Ци Фэнцзю. Смешанными чувствами и замирающим сердцем она отправила вежливый отказ во дворец принца. На следующий день оттуда прислали целебные снадобья и укрепляющие отвары, но более ни о чём не заговаривали. Все вздохнули со свободным сердцем.

Вскоре по поместью Ци поползли самые невероятные слухи. Все только и шептались о том, что молодой господин Цзян ради их старшего молодого господина отверг самого принца. Сплетни обрастали столь сочными подробностями, будто кто-то лично стоял рядом, когда молодые люди обменивались клятвами верности до гроба. До ушей Ци Хэли эти пересуды тоже долетели — он не раз слышал, как ворчит и жалуется его служанка Шуйфэнь. Он терялся в сомнениях: порой казалось, что дыма без огня не бывает, но стоило вспомнить о настойчивых просьбах старшего брата передать очередной любовный кошель, как уверенность таяла. Зачем Ци Фэнцзю прибегать к таким ухищрениям, если дело и так шло к свадьбе?

Глубокой холодной ночью Ци Хэли достал из-под подушки шёлковые кошель, которые ему навязал старший брат. Держа их перед собой, он долго вглядывался в тонкое шитьё, и в его глазах, скрытых ночной мглой, отражался лихорадочный блеск. Наконец, не выдержав, он резко поднялся и швырнул кошель в пылающий жаром огонь. Пламя мгновенно взметнулось, пожирая нежный шёлк и спрятанные внутри записки со стихами. Ци Хэли присел перед жаровней, мрачно наблюдая за тем, как огонь превращает чужие чувства в пепел. В одном из кошельков прогорела дыра, обнажив край бумажной ленты, на которой сквозь пламя проступили обрывки иероглифов. Юноша вгляделся пристальней, но смог разобрать лишь одно-единственное слово — «любовь». Отблески пламени дрожали на его лице, пока тлеющий край бумаги медленно подбирался к самому центру, обращая изящный почерк брата в серую пыль.

Вот уж поистине: «каждая пядь тоски обращается в пядь золы»!

Слушая сухое потрескивание горящих углей, Ци Хэли против воли вспомнил, как старший брат заступался за него перед родителями, как бережно обрабатывал его раны. Эти крупницы тепла были едва ли не единственным проявлением справедливости и родственной любви, что он видел в своей жизни. Поступая так, как сейчас, он действительно становился тем самым неблагодарным мерзавцем с чёрной душой, каким его вечно выставляла наложница Чжоу.

Эта мысль обожгла его изнутри. Не заботясь о том, что может обжечь пальцы, Ци Хэли выхватил уцелевшие кошель прямо из горящих углей. Некоторое время он сидел неподвижно, глядя на спасённый шёлк, а затем достал из шкафа резной ларец с навесным замком. Сложив туда кошель, он запер его на ключ и спрятал на самое дно сундука с одеждой.

«Я ведь не уничтожил вещи брата, — уговаривал он себя. — Просто сейчас у меня нет времени их передать. Выжду подходящий момент и отдам».

От этой жалкой лжи чувство вины на мгновение отступило.

Но в глубине души Ци Хэли прекрасно понимал, что обманывает самого себя. Он знал, насколько мелок, труслив и эгоистичен его поступок, и догадывался, что этим шёлковым

безделушкам уже никогда не суждено увидеть свет.

Шумные слухи в конце концов долетели и до Павильона Слушания Дождя. Биянь от этих сплетен не находила себе места от злости, а вот сам Цзян Мэнчжэнь оставался совершенно спокоен. Устроившись у залитого мягким светом окна, он держал на коленях маленького котёнка и задумчиво наблюдал за тем, как в высоком небе плывут облака. Мысли его уносились вслед за ними. Слушая бесконечные пересуды слуг, он порой невольно задумывался о Ци Фэнцзю и Пятом принце, но его сердце оставалось безмятежным, точно зеркальная гладь заброшенного колодца.

Цзян Мэнчжэнь вырос в знатном и богатом доме. Под его кротким и мягким нравом скрывалась надёжная броня, которой он отгораживался от мира. Ему не требовались чужие советы, чтобы безжалостно выкорчёвывать любые ростки чувств, способные принести смуту в его упорядоченную жизнь. В нём не было той безрассудной, пылкой искренности, которой отличался У Сисчунь; к вопросам любви Мэнчжэнь подходил с предельной осторожностью, и растопить его холодность казалось задачей почти невыполнимой. Каким должен быть тот, кто сумеет увлечь его за собой? Он и сам не знал. Он не мог вообразить себе ни черт лица, ни стати этого человека, равно как и не представлял, какое чудо должно произойти, чтобы впустить кого-то в свою душу.

Мэнчжэнь аккуратно пересадил Облачко на столик и, обмакнув кисть в разведённую тушь, вывел на бумаге строчку: «Беречь красу под сенью плотно закрытых дверей». Изящные иероглифы легли на свиток ровным полупрозрачным следом. Котёнок, забавно склонив голову набок, присмотрелся к работе хозяина, а затем прыгнул лапой прямо в тушечницу и прошёлся по белой бумаге, оставив несколько чёрных следов, похожих на цветки дикой сливы.

Цзян Мэнчжэнь мягко улыбнулся. Двери, которые он так тщательно держал на запоре, вели не только в его павильон — они вели в его гордую, неприступную душу. Даже если когда-нибудь в его жизни случится настоящая любовь, он никогда не признается в ней первым. Он надёжно укроет свои чувства от посторонних глаз, запечатает их в самом тёмном уголке сердца, панически боясь, что тайное станет явным и его сокровенные мечты выставят на посмешище.

<http://bllate.org/book/19598/2002404>